

П. ДЖ. СПЕРАНДЕО И РУСИСТИКА В ОДЕССЕ:
К ИСТОРИИ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ГРАММАТИКОГРАФИИ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Алессандро Чифариелло

За последние десятилетия историография все чаще обращается к раннему этапу формирования методики преподавания иностранных языков как самостоятельной дисциплины.¹ В этом контексте вклад Приско Джованни Сперандео в развитие русско-итальянской грамматикографии и лексикографии на рубеже XIX-XX вв. представляется существенным для истории российско-итальянских контактов в области лингводидактики. Его деятельность в Одессе была связана с преподаванием итальянского языка и созданием ряда учебных пособий, отражающих потребности многоязычной образовательной среды города. Эти пособия, неоднократно переиздававшиеся еще до официального признания славистики академической дисциплиной в Италии,² представляют собой важный, хотя долгое время и оставшийся в тени, этап в истории языкового образования.

Настоящая статья направлена на реконструкцию педагогических принципов Сперандео на основе детального анализа его основных трудов. Задача исследования заключается не только в описании дидактических материалов, но и в том, чтобы показать, как новаторский прагматический подход Сперандео формировался в сложном диалоге с академической традицией его предшественника, Доменико Де Виво, и в уникальном космополитичном контексте Одессы. Предпринятый в ней анализ позволяет не только выявить ключевые параметры истории преподавания языков в Российской империи и Королевстве Италия до академического признания итальянской славистики, но и показать, как педагоги-

¹ См., напр.: *Smith R.* Building 'applied linguistic historiography': rationale, scope and methods // *Applied Linguistics*. 2016. № XXXVII, вып. 1. P. 71-87.

² Первая университетская кафедра славянской филологии в Италии была учреждена в Падуе в 1920 г. См.: *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, Officine Grafiche Stediv, 1958. P. 92.

ческая практика Сперандео формировалась в контексте одесского многоязычия конца XIX века.

Одесса как центр российско-итальянских культурных связей

В конце XIX века Одесса выступала ‘окном на юг’ Российской империи. Активные внешние связи и многонациональная среда определяли космополитический характер города. В исследовательской перспективе городская речь может рассматриваться как территориально-социальный идиом, один из функциональных типов речи, обусловленных социальными функциями и сферами употребления. Эта речь формируется в условиях интенсивного межъязыкового контакта и социальной неоднородности, что особенно типично для портовых городов с высокой мобильностью населения.³ В городе сосуществовали русская, украинская, польская, немецкая, идишская и итальянская языковые среды, между которыми происходил постоянный обмен как в повседневной, так и в профессиональной коммуникации. Русский язык, являясь языком имперской администрации и официального делопроизводства, функционировал в устойчивом многоязычном пространстве, задавая норму ‘естественного двуязычия’ в городском общении.⁴

Отношения Одессы с Италией уходят корнями в самое основание города, которое неразрывно связано с выходцами из Неаполитанского королевства. Важную роль в этом процессе сыграла семья де Рибас, принадлежавшая к европейской аристократии и перебравшаяся в Россию во второй половине XVIII века; именно неаполитанец Джузеппе де Рибас, в русских источниках – Осип Михайлович Дерibas, стал основателем и первым градоначальником Одессы.⁵ Этот неаполитанский след был настолько заметен, что официальным представителем интересов города в Италии долгое время оставалось Консульство Королевства Обеих Сицилий.⁶ Неслучайно, что именно в этой среде, на перекрестке морских путей

³ См.: Степанов Е.Н. Городская речь как функциональный тип языка // Вісник Одеського національного університету. 2013. № XVIII, вып. 2. С. 129-136.

⁴ См.: Кабанен И.И. Русский язык в Одессе: взгляд извне, в Славянский мир: общность и многообразие / Под ред. Е.С. Узенёвой, О.В. Хавановой. Москва, Институт славяноведения РАН, 2021. С. 227-232.

⁵ Moracci G. Introduzione // *De Ribas M.* “Saggio sulla città di Odessa” e altri documenti dell’archivio di stato di Napoli / A cura di G. Moracci. Genova, Cassa di Risparmio di Genova e Imperia, 1988. P. 3-4.

⁶ Там же. С. 3.

и политических движений, формировался опыт многих знаменитых лиц итальянской истории: сам Джузеппе Гарибальди в молодости неоднократно бывал в Одессе, что стало важным этапом в его человеческом становлении.⁷ Основанная как порто-франко Одесса с самого начала привлекала предприимчивых иностранцев, среди которых итальянцы, наряду с греками, составляли одну из наиболее влиятельных общин.⁸ Уже в первой половине XIX века Одесса выступала одним из главных центров Российской империи по изданию книг на итальянском языке.⁹ Тем самым культурная составляющая контактов Одессы с Италией была институционально ощутима задолго до подъема конца XIX века.

Экономическим двигателем служила торговля зерном, главным направлением которой был экспорт в средиземноморские порты – прежде всего в Италию; в этой прибрежно-деловой среде формировался коммерческий билингвизм, включавший элементы итальянской морской терминологии и заимствования из греческого и турецкого языков, складывавшийся на смешении профессиональных языковых кодов.¹⁰ Тем самым сложилась устойчивая многоязычная городская коммуникация с развитой посреднической функцией.¹¹ В таких условиях сформировался особый речевой облик города, в исследовательской традиции описываемый как одесское русскоязычное речевое пространство, с сочетанием литературной нормы и разговорной вариативности и активным использованием лексических заимствований – прежде всего итальянского, идишского и греческого происхождения.¹² Как заметил В.М. Дорошевич в отношении языка Одессы с его смешанной природой: “Мы не знаем, как

⁷ См.: *Garibaldi Jallet A.* Impero ottomano ed Impero russo nella formazione umana e professionale di Giuseppe Garibaldi // *Oriente Moderno*. 2008. N. 88. P. 75-77.

⁸ *Herlihy P.* *Odessa. A History 1794-1914.* Cambridge (Massachusetts), Harvard University Press, 1986. P. 15-17.

⁹ См.: *Морошану (Демьянова) Л.И.* Серия “Неизвестные страницы итальянской литературы: итальянские писатели XIX века и их творчество в Одессе”. Статья 1. Творчество Антонио Пиллера // *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. 2012. № 4. С. 38-40.

¹⁰ *Herlihy P.* *Odessa. A History 1794-1914.* P. 58-60. Также см.: *Нурі К.* ‘Одесский язык’ как явление культуры // *Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету*. 2016. № 25. С. 182-185.

¹¹ См.: *Степанов Е.Н.* Лингвокультурный фон портового города, в *Русистика и современность* / Под ред. Э. Архангельской, Л. Игнатъевой. Рига, Балтийская международная академия, 2016. С. 484-492.

¹² См.: *Степанов Е.М.* Російське мовлення Одеси. Одеса, Астропринт, 2004. С. 15-18.

был создан одесский язык. Но в нем вы найдете по кусочку любого языка. Это даже не язык, это винегрет из языка”.¹³

Параллельно с торговлей развивалась культурная среда, в центре которой находился Оперный театр, по праву считавшийся ‘гордостью Одессы’.¹⁴ По свидетельству Сперандео, итальянская опера была важным культурным магнитом, привлекавшим ‘космополитическую толпу’ и задававшим тон общественной жизни.¹⁵ Именно в этой атмосфере творческого обмена в 1898 г., неаполитанский композитор Эдуардо ди Капуа, находясь на гастролях в Одессе, написал музыку к песне “O sole mio”.¹⁶ Эта связка экономических и культурных факторов формировала стабильный запрос на функциональную лингвистическую подготовку, направленную на устную коммуникацию и профессиональную лексику,¹⁷ что обусловило приоритет материалов с ясной артикуляцией норм и минимально необходимым теоретическим изложением. Такой подход к языку как к инструменту профессионального действия предвосхищал методические принципы Сперандео и объясняет его установку на практическую грамматику и сдержанный теоретический комментарий. Основанное в 1861 г. Одесское коммерческое училище им. Николая I выполняло институциональную роль в области прикладной языковой подготовки для торгово-портовой экономики города. С 1900 г. здесь преподавал французский язык Сперандео, что позволяет соотнести его педагогическую практику с локальным прикладным контекстом.¹⁸

Именно в этой среде, где практическое знание языков имело непосредственную ценность, начала формироваться педагогическая деятельность Сперандео. Следует отметить, что итальянская миграция в Новороссию не была стихийной: она вписывалась в более широкий имперский проект колонизации, в рамках которого российские власти активно

¹³ Дорощевич В.М. Одесса, одесситы и одесситки. Фельетоны. Одесса, ПЛАСКЕ, 2013. С. 62.

¹⁴ P. Herlihy, *Odessa. A History 1794-1914*. P. 138.

¹⁵ *Sperandeo P.G. Gli italiani nel Mar Nero // Rivista d'Italia*. 1906. II, agosto. P. 332.

¹⁶ См.: *Del Bosco P. 'O sole mio. Storia della canzone più famosa del mondo*. Roma, Donzelli, 2006. P. 20, 42-43; *Cattedra R. Sguardi cosmopoliti sulla città // RiMe*. 2022. 10/II n.s. P. 142.

¹⁷ См.: *Степанов Е.Н. Город в контексте научной лингвистической парадигмы // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства*. 2012. № XVII. С. 17-19.

¹⁸ Об истории и структуре училища, а также фото “Педагогическая коллегия училища, 1912 г.” (на снимке – в т.ч. Сперандео; с. 117), см.: *Яворская А. Школа моя называлась... Одесское коммерческое училище // Одесский Альманах. Дерибасовская – Ришельевская*. 2015. № 2 (61). С. 106-127.

привлекали квалифицированных иностранцев, в том числе ремесленников, моряков и коммерсантов, для освоения новых южных территорий.¹⁹ Согласно данным всероссийской переписи 1897 г., италияязычное население Одессы было сравнительно невелико – по данным переписи, всего 286 работающих мужчин,²⁰ – однако его экономическое и культурное влияние в городе было несоразмерно высоким. По свидетельству современников, итальянцы в Одессе занимались преимущественно “розничной торговлей предметами роскоши, ремесленным промыслом или владели гостиницами и ресторанами”.²¹ Одесса была “традиционным центром российско-итальянских отношений”²² не только в силу торговых связей (“Италия оставалась одним из основных покупателей украинского зерна”),²³ но и благодаря оживленному культурному обмену. В исследовательской традиции Одесса рассматривается как ведущий центр преподавания и изучения итальянского языка в Российской империи XIX века.²⁴ Кроме того, в историографии методики преподавания русского языка как неродного в XIX веке, наряду с прибалтийской и казанской ‘методическими школами’, среди крупных центров упоминается и Одесса (где преподавали русский нерусским учащимся И.И. Казас и К.Э. Шельцель), что дополнительно подтверждает ее институциональную роль в языковом образовании.²⁵

Присутствие Сперандео в Одессе вписывается в более широкий контекст экономических и культурных отношений между Италией и Россией, которые в конце XIX – начале XX века усилились благодаря развитию частной торговли, морского транспорта и культурных обменов. Более того, также и за пределами Одессы в глубине Российской империи уже в начале XX века активно работали итальянские предприятия – на это

¹⁹ См.: *Rojas Gomez H.* Migrazioni italiane in Crimea e Nuova Russia: tracce, fonti, contesti // *La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano* / A cura di A. Ferrari, E. Pupulin. Venezia, Ca' Foscari, 2017. P. 117-144.

²⁰ См.: *Herlihy P.* The Ethnic Composition of the City of Odessa in the Nineteenth Century // *Harvard Ukrainian Studies*. 1977. Vol. I/1. P. 74.

²¹ *Herlihy P.* Odessa. A History 1794-1914. P. 260.

²² *Risaliti R.* La Russia: dalle guerre coloniali alla disgregazione dell'URSS. Milano, Mondadori, 2007. P. 130.

²³ *Herlihy P.* Odessa. A History 1794-1914. P. 260.

²⁴ См.: *Demjanova L.* Odessa centro degli studi di lingua italiana nell'Impero russo nel XIX secolo // *Forum Italicum: A Journal of Italian Studies*. 2003. XXXVII/1. P. 217-229.

²⁵ *Московкин Л.В.* Обучение русскому языку нерусских учащихся в XIX веке: первые методические школы // *Филология и культура*. 2012. № 2 (28). С. 82.

указывают, в частности, свидетельства Сальваторе Минокки и князя Августа Торлония.²⁶ Этот контекст стал важной предпосылкой для появления одесской лингводидактической традиции, по линии которой развивалась педагогическая деятельность Сперандео. Обращение к его учебным пособиям тем самым позволяет проследить, каким образом многоязычная практика Одессы нашла отражение в конкретных методических решениях.

Педагогическое наследие Доменико Де Виво в становлении методики П. Дж. Сперандео

Переходя от городского контекста к непосредственной научной предыстории, рассмотрим педагогическое наследие Доменико Де Виво (1839-1897),²⁷ на фоне которого определилось становление методики Сперандео. Название одного из пособий Сперандео – *Руководство итальянского языка* – явно отсылает к более раннему труду Де Виво *Практическое руководство для изучения итальянского языка*, что подчеркивает теоретико-практическую связь между этими работами. Далее кратко обозначим ключевые принципы этой традиции.

²⁶ Risaliti R. La Russia. P. 130. Также: Gli italiani in Russia // *Monitore italo-russo*. 1916. I/1. P. 30-34; Minocchi S. Gli italiani in Russia e in Siberia: lettere e documenti. Firenze, Arti Graf. Sabine (L. Arcieri & C.), 1933.

²⁷ Фигура Д. Де Виво, до сих пор малоизученная в историографии, стала предметом наших предыдущих исследований. Общий обзор и биографические сведения Де Виво см.: Cifariello A. Domenico De Vivo: tra russistica e italianistica nella seconda metà dell'Ottocento // *Russica Romana*. 2017. XXIV. P. 47-72. Подробнее о педагогической деятельности Де Виво см.: Cifariello A. L'insegnamento della lingua russa nell'Università italiana dal 1864 al 1892 // *Italiano LinguaDue*. 2018. N. 1. P. 149-167; он же, Teaching Slavic languages in Italy at a university level (from 1864 to 1918) // *Grammatica e insegnamento linguistico. Approccio storiografico: autori, modelli, espansioni* / A cura di F. San Vicente. Bologna, CLUEB, 2019. P. 209-230; он же, The role of Domenico De Vivo in developing Russian and Italian language studies in the second half of 19th Century // *Roczniki Humanistyczne*. 2021. LXIX/7. P. 117-129; он же, L'insegnamento del russo all'università in Italia dagli anni sessanta dell'800. Il progetto di Giacomo Lignana // *La mediazione linguistico-culturale. Voci e istanze dall'accademia* / A cura di M.C. Ferro. Milano, LED, 2021. P. 79-96. Подробнее о русской грамматике Де Виво см.: Чифариелло А. О первой русской грамматике на итальянском языке // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. 7 (168). С. 96-103; Cifariello A. La grammaticografia della lingua russa in italiano. 1882-1917 // *Lingue seconde e istituzioni. Un approccio storiografico* / A cura di A. Vicentini, H. Lombardini. Bologna, CLUEB, 2019. P. 47-67.

Научная традиция, к которой принадлежал Де Виво, отличалась глубокой теоретической проработкой и систематичностью. В своем *Практическом руководстве* он утверждал, что основная цель учебника для изучения иностранного языка – облегчить его практическое освоение: добиваться краткости и ясности изложения грамматических правил и сопровождать их достаточным количеством практических упражнений.²⁸ Однако его подход был далек от упрощения: Де Виво подчеркивал центральную роль последовательности, непрерывности и логичности в изложении материала, что позволяло вводить грамматические правила, не упуская устные аспекты языка. Де Виво полагал, что правильное произношение – основа успешного усвоения языка, а систематический фонетический анализ – неотъемлемая часть преподавания.²⁹

Его *Grammatica della lingua russa*, – первая научная грамматика русского языка на итальянском языке, – наглядно демонстрирует эту строгость. В ней Де Виво предложил системное описание русской морфологии и синтаксиса, основанное на сопоставительном анализе и предназначенное для академической аудитории. Он исходил из выдвинутой в 1870-х годах младограмматиками (Junggrammatiker) концепции регулярности фонетических законов. Благодаря этой общей основе его решения созвучны ряду положений Реформаторского движения. Ведущие представители движения – Г. Свит, О. Йесперсен, П. Пасси – отдавали приоритет разговорной речи и прибегали к фонетической транскрипции для отработки произношения. Кроме того, они применяли индуктивный подход к грамматике на основе аутентичных текстов, а не абстрактных правил.³⁰ Показателен для этого контекста и ‘прямой метод’ М. Д. Берлица (с 1878 г.), ориентированный на приоритет устной коммуникации (говорение и аудирование) при отсрочке развития письменных умений (чтения и письма) и переносе изучения нормативных аспектов, равно как

²⁸ Де Виво Д. Практическое руководство для изучения итальянского языка. 1-е изд. Одесса, А. Шульце, 1886. С. V; он же, Практическое руководство для изучения итальянского языка в 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. Одесса, типография Штаба Одесского Военного Округа, 1890. С. I.

²⁹ De Vivo D. Grammatica della lingua russa. Con speciale attenzione al movimento dell'accento. Dorpat, Tip. Schnakenburg, 1882, pp. 7-26; Де Виво Д. Практическое руководство. 1-е изд. С. 1-11; он же, Практическое руководство. 2-е изд. С. 1-4.

³⁰ См.: Modern Language Teaching: The Reform Movement / Howatt A. P. R., Smith R. C. (eds.). London–New York, Routledge, 2002, т. 1. P. XXII–XXIII; D'Angelo M. Traduzione didattica e didattica della traduzione. Percorsi teorici, modelli operativi. Urbino, Quattroventi, 2012. P. 22-37.

и возможной экспозиции к более ‘высоким’ социально маркированным вариантам языка, на последующие стадии обучения.³¹ Как подчеркивает П. Дезидери: “Знаменитая теория регулярности фонетических законов после 1876 г. стала основой этимологической науки в школе младограмматиков”.³²

Именно этот принцип стал опорой практического подхода Сперандео, который унаследовал и переосмыслил дидактическую традицию своего предшественника. Позиция Сперандео относительно принципиальной неисчерпывающей классификации акцентной подвижности созвучна подходу Де Виво, уделявшего особое внимание фонетической стороне лексики, графически выделяя ударение и, при необходимости, отмечая позиционные фонетические изменения – для облегчения произношения и запоминания закономерностей переноса ударения. Этот интерес к фонетическим законам, выдвинутым младограмматиками, и применение их принципов в дидактике свидетельствуют о глубокой научной эрудиции Де Виво и его стремлении строить преподавание на прочной теоретической основе.

Де Виво был одной из центральных, хотя и надолго забытых фигур в истории российско-итальянских научных и культурных связей. Он был учеником итальянского лингвиста Джакомо Линьяны – центральной фигуры в становлении академической славистики и русистики в Италии, поддерживавшего тесные связи с Российской академией наук и ведущими лингвистами Европы, особенно немецкими.³³ Де Виво преподавал русский и английский языки в неаполитанском Азиатском колледже, а с 1879 г. и до самой смерти занимал должность лектора итальянского языка сначала в Дерптском, а затем в Новороссийском университетах. Его деятельность заложила в Одессе тот научный и дидактический стандарт, от которого Сперандео одновременно отталкивался и которому следовал, переосмысляя его.

Таким образом, к моменту прибытия Сперандео в Одессу Де Виво уже сформировал дидактическую традицию, характеризующуюся академической строгостью, системным подходом к грамматике и передовым вни-

³¹ *D'Angelo M.* Traduzione didattica e didattica della traduzione. P. 22-25.

³² *Desideri P.* La fonetica come fondamento della glottodidattica nel tardo Ottocento // *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*. 2006. XXXV/1. P. 102.

³³ О роли Дж. Линьяны и его связях с российскими учеными см.: *Чифариелло А.* К истории российско-итальянских научных и межкультурных отношений: связи Джакомо Линьяны с российской Академией наук и российскими лингвистами второй половины XIX в. // *Studi Slavistici*. 2020. XVII/1. С. 61-79.

манием к фонетике. Он выработал строгие требования к научному описанию языка для педагогических целей. Сперандео, как будет показано далее, перенял эту традицию, особенно в своем *Руководстве итальянского языка*, но одновременно переосмыслил ее в более практической, ориентированной на учащегося перспективе, что особенно ярко проявилось в его *Manualetto della lingua russa*. Если Де Виво заложил научную основу, то Сперандео развил ее в направлении прагматической педагогики, адаптированной к реальным коммуникативным потребностям студентов. Тем самым созданный Де Виво академический стандарт в Одессе стал отправной точкой прагматического переосмысления у Сперандео.

Биография и педагогическая деятельность П. Дж. Сперандео

На фоне общеимперских тенденций XIX века, описываемых через модели ‘методических школ’, одесская практика демонстрирует преимущественно прикладную направленность и локальную институциональную встраиваемость, не формируя при этом отдельной ‘школы’ в строгом смысле термина.³⁴

Приско Джованни Сперандео,³⁵ родившийся 26 ноября 1872 г. в г. Терциньо (провинция Неаполь), окончил Королевскую гимназию “Умберто I” в Неаполе в 1891 г. Вскоре после этого он переехал в Одессу, где познакомился с Доменико Де Виво. После кончины Де Виво 2 сентября 1897 г. Сперандео занял должность лектора итальянского языка в Императорском Новороссийском университете.³⁶ Он преподавал в университете до 1914 г.; с 1900 г. он также вел курс французского языка в Одесском коммерческом училище. Он принимал деятельное участие в жизни итальянской общины: реформировал устав Итальянского благотворительного общества, а в 1902 г. основал и возглавил местное отделение Общества Данте Алигьери, которое прекратило свою деятельность в 1907-1908 гг. В Одессе Сперандео женился на Екатерине Николаевне Голубовой; в браке родилось пятеро детей. В январе 1915 г., после бомбардировки Одессы турецким флотом и опасаясь за безопасность семьи, он покинул город, сначала расценивая отъезд как временный, однако возврата не последовало: семья Сперандео обосновалась в Риме. В мае – июне 1917

³⁴ См.: *Московкин Л.В.* Обучение русскому языку нерусских учащихся в XIX веке. С. 80-83.

³⁵ В русских документах – Иван Фридрихович или Федорович, в зависимости от источника.

³⁶ С 1995 г. – Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова.

г. он был официально освобожден от должности лектора в Новороссийском университете. Сведения о его жизни в Италии скудны: известно, что попытка получить должность преподавателя русского языка в неаполитанском Восточном институте оказалась безуспешной. Семья жила попеременно в Риме и Альбано-Лациале, где Сперандео скончался 14 апреля 1933 г. Документация итальянского периода фрагментарна.³⁷

Во время своей одесской деятельности Сперандео создал ряд ключевых учебных пособий, отражающих дидактические тенденции конца XIX – начала XX века. Первым его трудом стало Руководство итальянского языка (Одесса, 1896),³⁸ которое, однако, не переиздавалось и имело ограниченное распространение. Наибольший успех принесло ему учебное пособие по русскому языку для итальянцев: первое издание вышло в Одессе под названием *Manualetto della lingua russa* (1904), а со второго издания (1906) книга публиковалась в Милане, в престижной серии изда-

³⁷ Подробнее о жизни и деятельности Сперандео, см. в следующих источниках: Государственный архив Одесской области (Одесса, Украина), Ф. 2 Оп. 1 Д. 2756 (1900 г.), Ф. 45 Оп. 4 Д. 1646 (1910 г.); Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Ф. 1349 Оп. 2 Д. 401; Archivio Storico Società Dante Alighieri (Рим, Италия), s. comitati esteri, b. 430; Archivio Storico-Diplomatico, Ministero degli Affari Esteri (Рим, Италия), Personale, s. I (Diplomatici e consoli), Rosset, pos. R 10; Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Direzione Generale di Pubblica Sicurezza (Рим, Италия), Affari Generali e Riservati, a. 1919, s. A-11, b. 24, n. 118 (Ouktomsky Michele), Divisione Polizia Politica, personale, b. 616 (Goluboff Caterina); Archivio Storico Università L'Orientale (Неаполь, Италия), FPD, b. 34, f. 1 (Nina Friedlander); отдел ЗАГС коммуны Терциньо (провинция Неаполь), копия свидетельства о рождении; отдел ЗАГС коммуны Рима, копия свидетельства о смерти (акт № 71, часть II, серия А); *Squitti N.* Le colonie italiane nel distretto consolare di Odessa. Rapporto del r. console generale, barone N. Squitti // Emigrazione e colonie. Raccolta di rapporti dei rr. agenti diplomatici e consolari. I, 1905. 3. P. 171-184; *Sperandeo P.G.* Gli italiani nel Mar Nero. P. 325-342; *Frescura B.* La Mostra degli Italiani all'estero, all'Esposizione Internazionale di Milano nel 1906 // Bollettino dell'emigrazione 1907. 18; Исторический очерк 50-летия Одесского коммерческого училища. 1862-1912. Одесса, центральная типография Н. Лемберга и С., 1912; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1912 учебный год. СПб., Сенатская типография, 1912. С. 517; Италийці та італійська культура в Україні = Gli italiani e la cultura italiana in Ucraina / N.F. Balloni, L. Novoxat'ko, D. Tabacnyk, M. Varvarcev (eds). Київ, ЕКО-ПРИНТ, 2004; *Demjanova L.* Società Italiana di Beneficenza a Odessa. Одесса, КП ОГТ, 2007; *Nikolaeva Ja.* Italiani in Russia dalla fine dell'Ottocento al primo conflitto mondiale // Al tramonto della Belle Époque: la visita dello zar Nicola II in Italia e il Trattato di Racconigi / A cura di B. Gariglio, Torino, Trauben, 2010. P. 93-104.

³⁸ *Sperandeo P.G.* Руководство итальянского языка, в 3 частях, с предисловием профессора А. И. Кирпичникова. Одесса, Москетти, 1896.

тельства Hoepli. С 1911 г. то же пособие выходило под новым заглавием – *La lingua russa: grammatica e esercizi* (второе изд. под этим названием вышло в 1917 г.).³⁹ Параллельно Сперандео занимался лексикографией, опубликовав первую, итальянско-русскую, часть *Dizionario Italiano e Russo* (Лейпциг, 1905; второе изд.: 1921).⁴⁰ Эти работы образуют единый методический цикл и позволяют реконструировать педагогико-методические принципы автора, которые будут подробно рассмотрены в следующем разделе.

Методические принципы П. Дж. Сперандео

Под влиянием Де Виво Сперандео в *Руководстве итальянского языка* стремился изложить основы итальянского языка в ясной и доступной форме. Для этого он объединил “этимологию” – термин, в школьной и учебной грамматике XIX – начала XX вв. традиционно обозначавший то, что сегодня называется морфологией,⁴¹ – и “синтаксис”, избегая излишних

³⁹ *Sperandeo P.G.* Manualetto della lingua russa con la pronuncia figurata. Odessa, Sciuze, 1904; он же, Manualetto della lingua russa con la pronuncia figurata. 2-е изд. Milano, Hoepli, 1906; он же, *La lingua russa: grammatica e esercizi; con la pronuncia figurata.* Milano, Hoepli, 1911; он же, *La lingua russa: grammatica e esercizi; con la pronuncia figurata.* 2-е изд., Milano, Hoepli, 1917.

⁴⁰ *Sperandeo P.G.* Dizionario Italiano e Russo. Parte Italiano-Russa. Lipsia, O. Holtze, 1905; он же, *Dizionario Italiano e Russo. Parte Italiano-Russa.* 2-е изд. Lipsia, O. Holtze, 1921. Сперандео прямо отмечает, что не смог завершить публикацию второго тома по независящим от него обстоятельствам. В 1922 г., через год после выхода второго издания первого тома, он подал официальное обращение министру иностранных дел Королевства Италия с жалобой на правительство России, указывая, что в результате большевистской революции и последующей гражданской войны его одесская квартира была разграблена; среди утраченного – полный рукописный текст второй (русско-итальянской) части словаря (первая часть была опубликована в Лейпциге издательством Otto Holtze). Подробные сведения подтверждаются по архивным материалам: Archivio Storico-Diplomatico, Ministero degli Affari Esteri (Рим, Италия), Serie Z, Contenzioso 1861-1939, Busta 222 Z 23-1592 (1918-1922): 1317 Sperandeo Prisco Giovanni.

⁴¹ В русской грамматической традиции XIX в. ‘этимология’ употреблялась в значении раздела грамматики о частях речи и их формах (т. е. того, что ныне называется ‘морфологией’). Ср. оглавление школьных грамматик: у Н.И. Греча – разделы “Этимология общая” и “Этимология частная” (см.: *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 1-е изд. СПб., Тип. Императорского Санктпетербургского воспитательного дома, 1827); у А.Х. Востокова – раздел “Словопроизведение (Этимология)” (*Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сохращенной грамматики, полнее изложенная. 1-е изд. СПб., тип. И. Глазунова, 1831); у

дефиниций и объяснений грамматических правил, уже известных учащимся, а также, по возможности, сокращая число нерегулярных глаголов. Кроме того, он стремился систематизировать правила ударения и прояснить орфоэпические вопросы (например, произношение гласных 'e' и 'o'), которые подчас вызывают затруднения даже у носителей итальянского языка.⁴²

Предполагаемая аудитория – частные слушатели в Новороссии, заинтересованные в изучении итальянского языка по коммерческим причинам, а также лица, использующие итальянский язык в практических целях. Руководство предназначалось для этой аудитории как сборник со списками терминов для повседневного общения. В руководстве содержится приблизительно три тысячи наиболее распространенных слов,⁴³ сгруппированных как по тематическим рубрикам, так и в алфавитном порядке. Слова сопровождаются примерами для перевода с постепенным усложнением. Автор считал методически обоснованным включить тексты для чтения и упражнения по переводу с итальянского на русский, взятые из прозы и поэзии. Это, по его мнению, обеспечивало практическую направленность обучения итальянскому как иностранному. Он полагал, что большинство антологий, изданных в Италии, мало пригодны для иностранных читателей из-за неудачного подбора отрывков с редкой лексикой, а также из-за затруднительных для изучающих грамматических конструкций. Чтобы преодолеть эти ограничения, в третью часть *Руководства итальянского языка* были включены: краткие сведения об итальянском стихосложении, краткий очерк истории итальянской литературы (и, соответственно, литературного языка) от истоков до современности, а также прежде всего сборник известных прозаических и поэтических отрывков, относящихся к разным периодам развития языка.

Руководство итальянского языка сочетает практический подход, ориентированный на усвоение языка через живое общение, с теоретическим анализом, направленным на освоение литературной нормы. Однако в 1890-е годы XIX века итальянский язык еще не выступал как единый общенациональный; фактически он представлял собой прежде все-

Ф.И. Буслаева – раздел “Этимология” (*Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959); см. также энциклопедические статьи, фиксирующие, что в XIX в. ‘этимология’ употреблялась и в значении ‘грамматика’, а соответствующие разделы описательных грамматик ранее именовались ‘этимологией’.

⁴² *Sperandeo P.G.* Руководство итальянского языка. С. V.

⁴³ Там же.

го литературно-кодифицированную систему. После образования Королевства Италия в 1861 г., при еще незавершенном политико-территориальном объединении страны, новое государство проводило политику по расширению сферы употребления общенационального итальянского языка и сокращению роли региональных и местных диалектов. В новом государстве диалекты (в терминологии XIX века – “местные наречия”⁴⁴) оставались основным средством повседневного общения населения, что обуславливало необходимость формирования и кодификации общенациональной нормы итальянского языка для письменного и устного общения. Сперандео подчеркивал необходимость опираться на стандартизированные (“национальные”) литературные образцы,⁴⁵ представленные в руководстве фрагментами итальянской литературной традиции. Кроме того, для практического освоения грамматических правил при чтении литературных текстов Сперандео составил краткий итальянско-русский словарь и включил его в руководство; лексемы в словаре соотнесены с первым, грамматическим разделом, где к ним даны необходимые пояснения. Вне узких дидактических рамок *Руководство итальянского языка* не представляет значительного интереса, и переизданий книга не имела. Иная ситуация сложилась с самым известным и долговечным трудом Сперандео – кратким учебным пособием по русскому языку для итальянцев *Manualetto della lingua russa*.

Первое издание *Manualetto della lingua russa* было опубликовано в 1904 г. в Одессе, в типографии А. Шульце.⁴⁶ Судя по материалам, пособие было подготовлено на основе непосредственного преподавательского опыта Сперандео в обучении русскому языку итальянцев в частном порядке. Предполагаемая аудитория пособия – итальянцы, ограниченные во времени или обучавшиеся в неакадемической среде.⁴⁷ В эту группу входили преимущественно путешественники, торговцы и деятели театра, находившиеся в Одессе. Судя по характеру материала, в качестве потенциальных студентов Сперандео рассматривал итальянцев – чаще всего художников и представителей деловых кругов, – уже владев-

⁴⁴ См.: *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. С. 22; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. 4 т. Москва, Тип. А. Семена, 1863, т. 1. С. V.

⁴⁵ *Sperandeo P.G.* Руководство итальянского языка. С. 55.

⁴⁶ Издание 1904 г., включающее введение на девяти страницах и основной текст на 274 страницах, отличалось от последующего итальянского издания 1906 г. только титульным листом и наличием штампа цензуры Российской империи.

⁴⁷ *Sperandeo P.G.* *Manualetto della lingua russa*. 2-е изд. P. VI.

ших французским или немецким и нуждавшихся в русском преимущественно по профессиональным причинам.

В *Manualetto della lingua russa* Сперандео сочетал формально-дедуктивную подачу материала (правила, определения, парадигмы) с индуктивным подходом и практическими примерами – упражнениями и лексическими рядами (сериями слов), последовательно используя сопоставительный (контрастивный) анализ в объяснениях. При этом он не прибегал к ‘авторским’ методикам, т. е. индивидуальным экспериментальным подходам, уже широко применявшимся в ряде современных учебных пособий по русскому и другим иностранным языкам. В предисловии автор высказывает предположение, что читатель обладает достаточными знаниями итальянской грамматики, которая служит контрастивной базой (языком-опорой) для изучения русского как иностранного, с особым акцентом на различиях между двумя языковыми системами. Однако, тогда как русский язык к тому моменту был нормирован со времен Пушкина, итальянский еще не был полностью кодифицирован.⁴⁸

Сперандео признавал, что итальянцам затруднительно осваивать русскую грамматику, в частности понимать и запоминать фонетические чередования и подвижность ударения в парадигмах склонения и спряжения. В отличие от Де Виво Сперандео утверждал, что сложности, связанные с фонетическими изменениями и подвижностью ударения, можно преодолеть, опираясь на ряд общих грамматических правил и применяя более практический подход к обучению русскому языку носителей других языков.

Такой практический подход предполагал четкую связь между грамматикографией и методикой преподавания у Сперандео, что соответствует традиции учебной грамматики конца XIX века. Судя по структуре пособия, можно представить, что Сперандео применял тот же практический метод и на занятиях. Он начинал с общих случаев, фиксировал наблюдения, приводил примеры типичных трудностей (род, падежи, чередования согласных), после чего переходил к анализу нерегулярностей.

⁴⁸ Отметим, что орфографические колебания в написании форм глагола *avere* в *Manualetto* (напр., ‘à’ вместо ‘ha’) отражают общую неустойчивость графико-этимологической нормы итальянского языка на рубеже XIX-XX вв. В “Руководстве”, напротив, Сперандео, исходя из дидактических соображений и стремясь предоставить учащимся стандартизированный вариант, предлагает уже кодифицированную, стабильную норму, последовательно используя формы итальянского глагола с этимологической буквой ‘h’. Ср., например: *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa*. 2-е изд. P. 1, 14; *Sperandeo P.G. Руководство итальянского языка*. С. 2, 25.

Особенно показательным примером практического подхода, связанного с созданием своего рода ‘схематической лексикографии’, являются два упражнения по чтению, помещенные в начале пособия. Они позволяют реконструировать начальную фазу занятий у Сперандео. Первое упражнение – трехстраничный педагогически сконструированный текст, в котором последовательно чередуются три строки на трех языках: первая – по-русски, вторая – в латинской транслитерации, третья – в итальянском переводе. Текст состоит из серий по четыре слова, синтаксически не связанных между собой: элементы серии либо сходны или противопоставлены по звучанию, либо относятся к одной тематической области и объединяются неявным гиперонимом (скрытой родовой категорией); при этом один элемент выступает ‘чужим’, будучи связан с группой по особому, в тексте не раскрываемому, признаку. Первая серия относится к семантической области “люди” и включает слова “мать”, “сын”, “жид”;⁴⁹ ‘чужим’ элементом выступает “дом”, связанный с группой как место проживания людей.

Наряду с гиперонимами (напр., ‘продукты питания’ для “суп”, “хлеб”, “соль” и слово-дистрактор “стол” как место для приема пищи) встречаются серии, затрагивающие фонетические трудности. Далее он обращается к вопросу о соотношении звонких и глухих согласных в позиции конца слова: в дореформенной орфографии после конечного согласного было принято ставить букву ер (‘ь’). Сперандео сопоставляет минимальную пару “воть” – “ротъ”, а также “ключъ” и слово-дистрактор “цепь”, оканчивающееся на букву ерь (‘ь’). Тем самым упражнение одновременно фиксирует поведение конечных согласных и орфографическое различие твердости/мягкости в дореформенной графике.

Продолжая применять практико-индуктивный подход, Сперандео уделяет особое внимание начальным стечениям согласных и контрастам, обусловленным регрессивной ассимиляцией по признаку звонкости/глухости. Он показывает, что в начальных стечениях согласных конечный согласный приставки уподобляется по звонкости/глухости следующему шумному: ср. вз- перед звонкими и сонорными (“взгляд”, “взрыв”) и вс- перед глухими (“вспышка”). Напротив, в словах “смрад” и “страх” ассимиляции по признаку звонкости не происходит, поскольку за начальным шумным следует сонорный ([м], [р]). Для наглядности сопоставляются “вспышка” (вс- перед глухим) и “взрыв” (стечение [вз], где [в] – звонкий

⁴⁹ Так в оригинале. О семантике и прагматике употребления лексемы ‘жид’ в XIX в., в том числе в одесском контексте, см.: *Cifariello A. L'ombra del kahal. Immaginario antisemita nella Russia dell'Ottocento. Roma, Viella, 2013. P. 27-72.*

щелевой, [з] – звонкий шумный), которые не требуют дополнительного уподобления по признаку звонкости. В итоге включение таких слов акцентирует внимание обучающихся на данном фонетическом явлении.⁵⁰

Судя по материалам, Сперандео уделял значительное внимание словообразовательным и лексико-семантическим отношениям – работе с рядами однокоренных слов, а также аффиксации и сопутствующим семантическим соотношениям. Это связано с проблематикой, позднее подробно разработанной в лингвистике XX века. После общих наблюдений он перешел к конкретным способам словообразования. Этот практический акцент на лингвистических и фонетических аспектах во многом превосходит практики, ставшие привычными в университетской методике преподавания языков в XX-XXI веках. В качестве примера можно привести работу с группами однокоренных слов для объяснения словообразования в университетском учебном пособии *La lingua russa*.⁵¹ В предисловии прямо указано, что такие ‘семьи слов’ не следуют строгой этимологической логике, а развивают у обучающихся умение распознавать корни, что облегчает усвоение, расширяет словарный запас и помогает понять общий смысл текста без дословного перевода.⁵² Такой акцент на словообразовании сопоставим с методом Сперандео.

Структура пособия и отсутствие ключей к упражнениям свидетельствуют о том, что *Manualetto della lingua russa* рассчитано не на самостоятельное изучение, а на работу с преподавателем (в том числе частным). Упражнения представляют собой комбинацию традиционных заданий на подстановку и переводных упражнений. Задания на перевод состоят из предложений на русском языке, отобранных с учетом методической целесообразности; они призваны помочь в освоении конструкций и правил. Эти предложения переводятся на итальянский путем калькирования, что соответствует задачам грамматико-переводного метода.⁵³

Предлагаемые упражнения опираются на традиционную методику: текст с пропусками для подстановки словоформ, которые нужно склонять или спрягать по-русски. Подбор этих словоформ задается исходным русским текстом и его итальянским переводом. Так, например, в синтагме “сила –” (пропуск; так в оригинале) и ее переводе “la forza del leone” (“сила льва”) необходимо восстановить недостающий компонент: сначала перевести “leone” как “лев”, затем поставить его в форму родительного

⁵⁰ *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa. 2-е изд. P. 4-7.*

⁵¹ *Aloysio A. – Bonola A. – Dusi P. La lingua russa. Milano, EDUCatt, 2011. P. 34.*

⁵² Там же. С. 1.

⁵³ *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa. 2-е изд. P. V.*

падежа – “льва”.⁵⁴ Таким образом, в пособии Сперандео последовательно реализуется грамматико-переводный метод, характерный для обучения как классическим, так и современным иностранным языкам в XIX веке. Кроме того, автор предлагает перевод на русский изолированных из контекста итальянских фраз в соответствии с морфологическими и синтаксическими правилами, изложенными в той же главе. Несмотря на взаимосвязанность материала, каждая глава представляет собой самостоятельную единицу, что позволяет изучать ее отдельно. Учащиеся могут либо заниматься грамматическим и фонетическим разбором, либо сосредоточиться на переводных упражнениях; в прилагаемом лексическом приложении (“словарик”) к каждой главе предложены тематические лексические ряды – существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, наречия, предлоги, союзы и междометия – снабженные отсылками к соответствующим грамматическим разделам.⁵⁵

Седьмой раздел *Manualetto della lingua russa*⁵⁶ – ядро книги; он посвящен русскому глаголу, одной из наиболее трудных тем. Это самый объемный раздел: несколько подразделов систематизируют основные аспекты глагольной системы. Открывается он разбором грамматической категории вида, одной из самых сложных для изучающих русский язык как иностранный. До выхода *Manualetto della lingua russa* Сперандео существовали лишь две учебные грамматики русского языка, предназначенные для италоязычной аудитории – издания Де Виво (1882) и Войновича (1897);⁵⁷ других изданий этого типа не было, и именно в них русскому глаголу уделялось особое внимание. В учебной грамматике Де Виво по традиции того времени⁵⁸ выделяются пять разрядов глаголов: приводятся типичные примеры глаголов несовершенного вида и глаголов разнонаправленного движения; далее разграничиваются бесприставочные и приставочные глаголы с детальным описанием их свойств.⁵⁹ Войнович, напротив, уделяет проблематике вида меньшее внимания. В своей книге автор сознательно не рассматривает специфические трудности несла-

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ Там же. С. VI.

⁵⁶ Там же. С. 133-200.

⁵⁷ Подробный анализ грамматики Войновича, см.: *Чифариелло А.* О Грамматике русского языка проф. Войновича // “*Europa Orientalis*. 2018. 37. С. 289-316.

⁵⁸ О состоянии теорий грамматической категории вида русского глагола в конце XIX века, см.: *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва, Изд. Русский язык, 2001. С. 393-410.

⁵⁹ *De Vivo D.* Grammatica della lingua russa. P. 153-166, 192-202.

вянской аудитории и не ставит обучение итальянцев категории вида в качестве отдельной задачи пособия, определяя ее как “грамматическую форму”. Не приводя подробных объяснений, он утверждает, что “грамматические формы русского глагола просты и немногочисленны”; что теория вида основывается на “окончаниях, некоторых суффиксах, изменениях гласных в корне, приставках к первоначальному глаголу и некоторых вспомогательных частицах”; что сложность восприятия русских глаголов иностранцами обусловлена предвзятыми представлениями о “глагольном механизме” и особенностями “способов выражения действия, прежде всего обстоятельств времени, выражаемых особой формой”.⁶⁰ По Войновичу, формы прошедшего времени и четыре причастия склоняются, тогда как формы настоящего (у приставочных глаголов – со значением простого будущего) и повелительного наклонения – спрягаются.⁶¹ Эти положения, наряду с общей установкой на максимальную упрощенность описания, приводят к подмене видо-временных категорий и к спорным тезисам (напр., о “спряжении единственном” и “четырёх” легко спрягаемых “неправильных глаголах”), что вызывает методические сомнения.⁶²

Хотя грамматика Де Виво вышла на пятнадцать лет раньше грамматики Войновича, она оказалась более основательным трудом и еще как минимум два десятилетия оставалась наиболее полным теоретическим пособием по русской грамматике на итальянском языке. Если работу Де Виво считать первой русской грамматикой на итальянском языке, изданной в пределах Российской империи (Дерпт, тип. Шнакенбурга), то грамматика Войновича – первая русская грамматика на итальянском, выпущенная итальянским издательством Hoepli (Милан). По-видимому, именно по этой причине уже в 1906 г. Hoepli заменило ее переизданием *Manualetto della lingua russa* Сперандео – чтобы устранить опечатки, неточности и двусмысленности учебника Войновича, прежде всего в описании глагола и категории вида.

Следуя логике Де Виво, Сперандео понимал задачу учебного пособия по иностранному языку как систематизацию практического материала за счет краткости и ясности изложения грамматических правил, а также достаточного количества примеров на итальянском языке. В пособии Сперандео глагол рассматривается сопоставительно (контрастивно) по отношению к итальянскому: автор иллюстрирует соответствия видовых форм,

⁶⁰ Prof. Voinovich Grammatica della lingua russa. Milano, Hoepli, 1897. P. 110.

⁶¹ Там же. С. 113-122.

⁶² Там же. С. 111.

параллельно приводя итальянские и русские примеры. В первом параграфе он определяет глагол как “выражение способности, не ограниченной ни временем, ни пространством”, сопоставляя это с трактовкой времен в итальянской грамматике, где времена понимаются как “моменты времени, уточняемые наречиями и наречными оборотами, а не самим глаголом”. Так, в итальянском предложении “stasera io parto” (“сегодня вечером я уезжаю”) – настоящее время со значением будущего, задаваемым наречием “stasera” (а не глаголом движения “parto”); “Tizio parla russo” (в русской передаче условно: “Иван говорит по-русски”) – настоящее со значением способности/привычности (а не моментального ‘сейчас’). Отсюда, по Сперандео, проистекают концептуальные трудности для носителей романских языков (“латинян”): в их описательной перспективе центральной оказываются временная организация и перифрастические средства, тогда как морфологической категории вида в итальянском нет (инфинитив различает настоящее/прошедшее). Сперандео четко разводит виды при переводе на русский: в предложении “Иван говорит по-русски” выбирается “простой” (= несовершенный) вид – “без ограничения во времени, для неопределенного смысла действия”; в высказывании “Сегодня вечером я уезжаю” соответствием является совершенный вид в простом будущем (“Сегодня вечером я уеду”) – “для указания на конкретный момент времени, заверченный способ действия”. Далее он, в целях дидактического сближения, сопоставляет “перфектный” (= совершенный) вид с формами прошедшего и простого будущего как значением результативной завершенности (дидактическое сближение, применяемое только для целей обучения): ср. “parlai” (“я поговорил”, результативность) и “stasera partirò” (“сегодня вечером я уеду”). Настоящее, напротив, передается либо “неопределенной формой глагола” (инфинитивом) – для повторяемости/привычности (“первоначального, неопределенного значения”), либо с помощью слов, ограничивающих “момент действия: ‘io vivo, che freddo oggi!’”⁶³ (“я живу; как холодно сегодня!”). В этой логике один и тот же ‘неопределенный’ глагол (инфинитив) дидактически ‘разворачивается’ и в “неопределенное прошедшее” (≈ итал. ‘imperfetto’), и в “продолжающееся неопределенное будущее”: “gli voleva tanto bene, non lo farò più” (“она очень любила его; я больше так не буду”).⁶⁴ На этих страницах сознательно преобладает теоретическое сопоставление с итальянской системой; русских примеров преднамеренно меньше. В целом Сперандео следует обычной для италоязычной аудитории практике: он

⁶³ Пунктуация автора сохранена.

⁶⁴ *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa*. 2-е изд. Р. 133-135.

дает редуцированную подачу русской глагольной системы, начиная с инфинитива, не предлагая развернутого анализа видовой пары.

Такой подход показывает, что, создавая практическое учебное пособие, Сперандео сознательно не стремился воспроизводить всю сложность академических дискуссий о виде, активно шедших среди русистов того времени; его цель – не теоретическая полнота, а дидактическая эффективность. Поэтому он выбирает максимально простую и интуитивно понятную для италоязычного учащегося модель (завершенность/длительность), которая, несмотря на неполноту и неоднократную критику в научной литературе, оказывается функциональной в педагогике. Пособие следует рассматривать как дидактический продукт, где сложная теория целенаправленно редуцирована до базовых, но практически применимых установок. При этом сопоставительный анализ видов с итальянскими временами чреват риском: тесная связка вида и времени может сформировать представление о виде как о средстве выражения временных отношений, т. е. воспроизвести то видо-временное смещение, которое русская грамматика уже в XIX веке стремилась преодолеть. Тем не менее, при всех теоретических упрощениях, методика Сперандео – шаг вперед по сравнению с хаотичным и запутанным изложением у его предшественника Войновича. В этом смысле его *Manualetto della lingua russa* (четыре изд.: 1904, 1906, 1911, 1917) – показательный пример того, как научная теория переводится на язык практической методики преподавания: в нем фиксируется стандартное для начала XX века, упрощенное ‘школьное’ представление о виде; эта схема существенно отличается от глубины и многообразия одновременных академических дискуссий того времени.⁶⁵

Последней работой Сперандео, в которой он сформулировал свои взгляды на методику преподавания языков, стал первый том *Итальянско-русского словаря*. Этот словарь вышел в двух изданиях: первое – в 1905 г., второе – в 1921 г. По словам Сперандео, словарь – не просто собрание слов и фраз с их объяснениями, а своего рода “кодекс двух языков, обеспечивающий точный и постоянный перевод”; он предоставляет уча-

⁶⁵ См.: *Виноградов В.В.* Русский язык. С. 393-410. Обобщен переход от ‘степенных’ трактовок к двучленной системе вида (СВ/НСВ) с последовательным разведением вида и времени и увязкой морфологии с семантическими основаниями видовых значений. При этом в учебной практике рубежа веков закрепляется упрощенная школьная схема (СВ = предельность/результат; НСВ = процесс/протекание), что и фиксирует пособие Сперандео; эта схема резко расходится с параллельными научными дискуссиями о количестве видов, их иерархии и соотношении вида и времени (см. у Виноградова, § 27-28: полемика от Буслеева и Будиловича до Миклошича, Фортунатова, Шахматова, Мазона, Пешковского).

щимся ключ к “различению всех значений слов” и содержит “необходимые правила и сведения” для их корректного употребления.⁶⁶ Словарь – важный инструмент практического освоения русского и итальянского как иностранных; разумеется, он не подменяет учебные пособия. В этом Сперандео следует традиции своего предшественника Де Виво, разрабатывавшего учебные пособия по русскому и итальянскому языкам, а также *Итальянско-русский словарь* с целью предоставить “практические средства для преподавания и изучения русского и итальянского языков”. Де Виво подчеркивал, что “для достижения высокого уровня владения [иностранном] языком необходимо не только знание правил и сведений, но и практика современной устной речи”.⁶⁷ Таким образом, двуязычный словарь Сперандео можно рассматривать как связующее звено между его учебными пособиями по итальянскому и русскому языкам, ориентированное на обеспечение учащихся необходимым словарным запасом на всех этапах обучения.

Принимая во внимание тот факт, что все труды Сперандео были направлены на педагогические цели, целесообразно проанализировать организацию и структуру его занятий (в терминах современной методики – ‘учебных модулей’) по русскому и итальянскому как иностранным. *Manualetto della lingua russa* позволяет реконструировать его аудиторную практику. Вероятно, занятия и пособие имели схожую структуру – как по композиции, так и по типам заданий. В начале занятия, по-видимому, предусматривалось короткое упражнение на чтение текста с графически помеченными ударениями; текст сопровождался построчным переводом: первая строка – по-русски с пометой ударения, вторая – в итальянском переводе. Материал для чтения представлял собой ряд коротких предложений, логически связанных посредством союзов и вводных слов, и близких к итальянскому по форме и содержанию, что позволяло переводить их буквально, слово в слово.

Судя по его работам, в устной практике Сперандео основной акцент делался на культурных аспектах – ради преодоления языкового барьера между итальянским и русским. Это можно считать ключевым элементом его педагогического подхода, цель которого – показать близость и возможность аутентичного взаимодействия двух языков и культур, то, что в современной методике преподавания иностранных языков называется ‘межкультурной компетенцией’. Для достижения этой цели Сперандео ис-

⁶⁶ *Sperandeo P.G.* Dizionario Italiano e Russo. P. III.

⁶⁷ *Cifariello A.* The role of Domenico De Vivo in developing Russian and Italian language studies. P. 123.

пользовал так называемые ‘реалии’: отбирал легко переводимые элементы культуры и сознательно исключал неперебиваемые. По-видимому, он отдавал предпочтение идиоматическим выражениям, не создающим трудностей ни преподавателю, ни обучающимся при знакомстве с русской фразеологией. В контексте этого подхода важную роль, вероятно, играли его коммуникативные навыки и функция культурного посредника, опирающиеся на личный опыт: эти умения позволяли ему отмечать культурную близость между, казалось бы, далекими понятиями и делать их доступными для носителей другой культуры. Можно представить, как Сперандео начинает урок с пословицы “всякая птица свое гнездо хвалит”, которую он переводит как “каждая птица находит свое гнездо красивым”.⁶⁸ Это наглядный пример его стремления не предлагать буквальный перевод, а переосмыслить значение глагола – здесь ‘хвалить’ (в словаре Ушакова: “высказывать одобрение..., распространяться о... достоинствах”⁶⁹), – превращая его в “считать кого-то/что-то красивым”. Предложенный перевод отсылает к известному неаполитанскому выражению: “ogni scarrafone è bell’ a mamma soja” (“каждый таракан красив для своей матери”). Это, вероятно, один из немногих примеров в южноитальянской пословичной традиции, имеющих прямой русский эквивалент. Есть основания полагать, что Сперандео не искал иных соответствий в итальянских диалектах, предпочитая оставаться в пределах семантической ‘зоны комфорта’ культурного опыта своих италоязычных студентов.

Таким образом, основной целью его занятий было сформировать у изучающих иностранный язык чувство уверенности и снизить риск возникновения того, что сегодня в методике называют “аффективным фильтром”.⁷⁰ В ходе обучения Сперандео стремился адаптировать студентов к новому языку, используя различные стратегии – в том числе апеллируя к коммуникативным практикам, характерным для носителей неаполитанского диалекта. Этот практический подход Сперандео соотносится с утверждением Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о неразрывной связи языка и культуры и в полной мере применим к практике преподавания иностранных языков: “в реально-историческом функционировании языка и культура неотделимы: невозможно существование языка (в полномочном понимании этого слова), который не был бы погружен в кон-

⁶⁸ *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa*. 2-е изд. Р. 6.

⁶⁹ *Толковый словарь русского языка*, 4 т. / Д.Н. Ушаков (ред.). Москва, Гос. ин-т “Советская энциклопедия”, 1935-1940, т. 4. С. 1137.

⁷⁰ *Krashen S.D. Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Oxford, Pergamon, 1981; Он же, *Principles and practice in second language acquisition*. Oxford, Pergamon, 1982. Р. 30-32.

текст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка”.⁷¹

З а к л ю ч е н и е

Как показано в этой статье, педагогическая деятельность П. Дж. Сперандео разворачивалась в плодотворном культурном контексте Одессы рубежа XIX-XX вв. Его методика формировалась в постоянном диалоге – между преемственностью и новаторством – с научным наследием его предшественника Де Виво. Проведенный анализ трудов Сперандео выявил, что его подход характеризуется грамматической направленностью, установкой на сопоставительный анализ и внимание к межкультурной коммуникации.

Таким образом, в отличие от преимущественно теоретического и академически строгого подхода Де Виво, Сперандео предложил практико-направленный синтез. В своем главном труде – *Manualetto della lingua russa* – он нашел баланс между практической ориентацией (предлагая лексику для реального общения) и литературно-филологической традицией (используя отрывки из классиков для чтения и перевода). Именно этот прагматизм – при всех сложностях и теоретико-методических недостатках его *Руководства итальянского языка* – сделал его пособия по русскому языку одним из главных инструментов для италоязычных учащихся в первые десятилетия XX века.

В контексте общеевропейских тенденций методический подход Сперандео, основанный на практической грамматике и лексике, сопоставим с реформаторскими движениями в преподавании иностранных языков, например с прямым методом Берлица.⁷² Такое сопоставление показывает одновременно уникальные черты его вклада и его укорененность в общих тенденциях эпохи. Отсюда вытекает, что Сперандео был не ‘провинциальным учителем’, а участником широкой дискуссии о наиболее эффективных методах преподавания иностранных языков, в том числе русского.

Предпринятый анализ открывает новые перспективы для дальнейших размышлений. В частности, будущие исследования могут быть нацелены на поиск архивных материалов в Одессе и Риме, что позволило бы ре-

⁷¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., Искусство-СПб, 2000. С. 486-487.

⁷² Modern Language Teaching: The Reform Movement / A. P. R. Howatt, R. C. Smith (eds.). Vol. 1, p. XXII-XXIII.

конструировать не только теоретические основы, но и повседневную практику преподавания Сперандео. Подобные находки дали бы бесценное представление о динамике аудиторной работы и взаимодействии учителя с учениками в тот период.

Наконец, важно задуматься о долгосрочном наследии Сперандео. Несмотря на то что его фигура была надолго забыта, многократные переиздания его учебных пособий, возможно, оказали косвенное, но заметное влияние на последующие поколения преподавателей и учащихся, формируя методическую традицию, заслуживающую дальнейшего изучения. Восстановление исторической справедливости по отношению к Сперандео подобно недавним исследованиям, посвященным таким центральным фигурам, как Джакомо Линьяна, – это не только признание заслуг одного исследователя, но и необходимый шаг к более полному пониманию истории российско-итальянских научных и межкультурных связей.⁷³

Abstract

P.G. Sperandeo and Russian Studies in Odessa: On the History of Russian-Italian Grammaticography at the Turn of the 20th Century

The present article undertakes a reconstruction of the pedagogical work of Prisco Giovanni Sperandeo in Odessa at the turn of the 20th century. A thorough analysis of his textbooks, with particular reference to the *Manualetto della lingua russa*, reveals a marked departure from the academic rigidity of his predecessor, Domenico De Vivo, towards a pragmatic, contrastive approach. Sperandeo's pedagogical approach, situated within the multicultural context of Odessa, placed significant emphasis on practical communication and intercultural mediation. His contribution is of seminal importance in the history of Russian-Italian language teaching, marking a crucial phase prior to the official institutionalisation of Slavistics in Italy.

Keywords: P.G. Sperandeo, Domenico De Vivo, Odessa, History of Slavistics, Russian as a Foreign Language, History of Applied Linguistics, Italian-Russian Relations.

⁷³ О важности восстановления забытых страниц истории российско-итальянских связей см. также: Чифариелло А. К истории российско-итальянских научных и межкультурных отношений. С. 61-79.